

Сына Михаила зовут Дмитрий. Ему 16 лет, он студент 1-го курса ГИТИСа и уже снялся в фильмах "Сволочи" и "Кадетство".

— Я зарабатываю как киноактер. Особенно хорошо платят зарубежные работодатели. В год у меня 3—5 импортных работ получается. А театром денег заработать не получается. Театр — моя страсть, моя любовь, моя жизнь...

— В свое время вы уехали в США. По вашим словам, из-за того, что вдоволь нахлебались театрального конвейера в Театре Маяковского. Что именно вы искали в Америке?

— Я был перспективный и подающий надежды молодой артист, который очень много работал в театре. Играл много и часто. Однажды в январе посчитал — 38 спектаклей в месяц! А такой режим неминуемо ведет к выхолащиванию. Нечем играть, а просто

отбывать время на сцене я не умею. Устал. Я был, как перевернутое ведро! В это же время я снимался в малобюджетном американском фильме... Мне было 27 лет, я всегда был любопытным и авантюристичным и решил поглядеть, как там у них. Подумал: "А почему бы и нет? Может, голливудской звездой стану?". Но не стал.

— Но вы не зря съездили?

— Тогда мне казалось, что я три с половиной года выбросил в никуда. Но не было бы этих лет — не было бы и моего театра. Америка научила меня выживать, научила хватке.

— С чего вы начали в Америке?

— Я уехал в Штаты с женой и сыном, который тогда был ростом с тумбочку. Нужно было выживать, зарабатывать... Я вышел на

улицу и стал стучаться в каждую дверь, спрашивая на ломаном английском про работу. Мне повезло — меня взяли официантом в рыбный ресторан за 5 долларов в час плюс чаевые. Я так вонял рыбой, что невозможно было отмыться! Это был 1991 год. Потом и таксистом был, и пиццу развозил, и переводчиком в Бостоне работал. Как любой американский актер, я зарабатывал абы чем и все время пытался прорваться в профессию. Но мне не удалось.

— Вы легко выучили английский язык?

— Приехав в Америку, я знал только азы (закончил английскую спецшколу). Но за год так схватил язык, что американцы не верили, что я русский. В этом мне помогла моя актерская природа: я хорошо умею попугайничать.

— Как вам удалось уговорить жену уехать с вами?

— С трудом. Как потом с трудом удалось уговорить ее уехать обратно. Она там прижилась... Анна была моей боевой подругой, человеком авантюрного склада. К тому же на дворе стоял голодный 1991 год. Унизительное время во всех отношениях! Вся московская богема тогда скулила: "Нужно отсюда валить!". А я не скулил, я поехал из любопытства. И мы с Аней выжили! Через полтора года у меня была квартира с видом на океан, дорогой автомобиль, костюмы, галстуки...

— Чем Анна занималась в Америке?

— Имея маленького ребенка и не зная английского, она, как и я, пошла стучаться в каждую дверь. Сначала работала помощником официанта, затем официанткой, потом менеджером... А до Америки она была помощником режиссера в театре у Олега Табакова. Анне настолько понравилось в Штатах, что она не хотела возвращаться.

— Тогда почему вы вернулись обратно?

— После трех с половиной лет жизни в Америке я полез на стену, у меня началась ломка. Мне так хотелось на сцену, я так рыдал! Вечерами заходил в русский магазин, брал напрокат кассеты с записями спектаклей, приходил домой и смотрел... Ностальгии у меня не было, я не скучал ни по березкам, ни по балалайкам. Я выл оттого, что мне хотелось на сцену.

— Благодаря хорошему знанию английского вас взяли в 20-й фильм о Джеймсе Бонде, где вы сыграли плохого русского...

— Не думаю, что меня взяли только благодаря хорошему знанию английского. Все-таки артист-то я не последний.

— Поначалу хотели взять Виктора Сухорукова, но он отказался из-за занятости в те-